

М.Н. Сербул

Пимен

Отец Пимен — персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», монах Чудова монастыря, летописец. По поводу его характера Пушкин отмечал, что он «не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе с тем мудрое, усердие, можно сказать, набожное к власти царя, данной Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия». В этом образе воплощено обобщенно-художественное представление Пушкина о древнерусском летописце. Именно таким воспринимает Пимена Григорий, отмечая «смиранный, величавый» вид старика, сравнивая его с думным дьяком, который «Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно / Не ведая ни жалости, ни гнева».

Под стать внешнему облику монаха его величавый и мудрый монолог, открывающий сцену в келье Чудова монастыря. В духе древнерусского книжника мыслит Пимен свой труд летописца — это «долг, завещанный от Бога / Мне, грешному. Недаром многих лет / Свидетелем Господь меня поставил / И книжному искусству вразумил». Задача летописца писать «правдивые сказанья», чтоб ведали «потомки православных / Земли родной минувшую судьбу». Свою летопись старец завершает «плачевной повестью» об убийстве царевича Димитрия, свидетелем которого был он сам — в то время он был в угличском монастыре на послушании. Дальнейшее ведение летописи Пимен хочет передать постигшему грамоту Григорию, наставляя последнего опять же в духе русской летописной традиции:

...В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны...

Вместе с тем Пимен — конкретно-историческая, индивидуальная личность, принадлежащая определенной исторической эпохе. Это оттенено рассказом о веселой «младости» старика, полной «шумных пиров» и ратных подвигов. Рассказ о «безумных потехах юных лет» Пимена складывается как из воспоминаний самого монаха, так и из слов Григория:

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив!

Хотя Пимен говорит Григорию, что истинное «блаженство» обрел он вдали от суетной жизни, в монастырской келье, во многом именно рассказы старика о своей молодости пробудили в Григории желание «тешиться в боях» и «пировать за царскою трапезой». Именно Пимен невольно, сам того не подозревая, подсказал Григорию мысль о самозванстве. В ответ на вопрос Григория, сколько лет было убитому царевичу, Пимен отвечает:

Да лет семи; ему бы ныне было
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.

Далеко не всегда речь Пимена по-летописному эпически-величава. Болью пронизаны его слова о «кровавом грехе», «злом деле», который его «Бог привел видеть» в Угличе. Как «страшное, невиданное горе», как великий грех воспринимает старик избрание царевубийцы на престол. Его рассказ, рассказ свидетеля убийства маленького царевича, эмоционально взволнован, полон страшных и конкретных подробностей.

Взволнованность Пимена передается Григорию. Деяния летописца оцениваются им уже в ином ключе: повествование о преступлении Бориса Григорий называет «доносом ужасным», за которым неминуемо последует «суд мирской» и «суд Божий» над убийцей «несчастливого младенца».